

4.

Русский платонизм: историко-философский аспект

Сергей Ряполов

В.Н. Карпов и «платоническая традиция» в России

Философия как нечто целостное, но не завершенное, на протяжении уже более чем 2,5 тыс. лет своего существования пережила разные периоды и принимала различные формы. Современный период развития философии в России связан, как представляется, с наступлением стадии разбора истории русской философии с целью «создания “большого контекста” русской философии» [Варава 2005: 171]. Поскольку, как указывает В.В. Варава, если у русской философии есть перспектива, «то она должна быть, пускай опосредованно, связана с какими-то крупными философскими явлениями и событиями» [Варава 2013: 192–193]. Безусловно, нечто подобное уже наблюдалось в русской культуре в первой половине XX в., достаточно вспомнить знаменитые труды Н.О. Лосского, В.В. Зеньковского, прот. Г. Флоровского, Г.Г. Шпета, работу Н.А. Бердяева «Русская идея». Все указанные работы, как представляется, также требуют детального рассмотрения как образцы русской мысли, формирующие «большой контекст» русской философии.

М.А. Прасолов пишет:

русская философия, в особенности так называемая «религиозная», обычно ассоциируется с именами В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и некоторыми другими, философия которых обозначается как «религиозно-философский ренессанс». Однако есть и другая, не менее оригинальная и вполне самостоятельная традиция отечественной философской мысли... Обозначим ее как русский метафизический персонализм... Одним из родоначальников этой традиции может считаться... В.Н. Карпов [Прасолов 2012а: 85].

Василий Николаевич Карпов, по выражению архим. Августина (Никитина), составил «целую эпоху в истории русской философии» [Августин (Никитин) 2000: 64]. О нем с уважением отзывались современники А.В. Никитенко, В.Г. Белинский, В.С. Соловьев и др. [Августин (Никитин) 2000: 67–68], идеи Карпова рассматриваются в работах по истории русской философии и богословия В.В. Зеньковского [Зеньковский 2001: 299–301], прот. Г. Флоровского [Георгий (Флоровский) 2006: 239], в «Очерке развития русской философии» Г.Г. Шпета [Шпет 1989: 39, 175–183, 269–270].

Необходимо подчеркнуть, что благодаря усилиям В.Н. Карпова произошло открытие Платона в России. Хотя сочинения Платона переводились на русский язык и до Карпова¹, именно после публикации его переводов сочинения Платона обрели истинное признание в России.

В 1841 г. был издан I том переводов под названием «Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. С. Петербургской духовной академии Карповым», а в 1863 г. вы-

¹ Архим. Августин (Никитин) указывает, что переводчики Пахомов и Сидоровский публиковали Платона на русском языке в 1780-е гг., в 1826 г. был напечатан перевод «Филеба», при этом редактор «Московского телеграфа» Полевой с сожалением отмечал, что «Платон почти неизвестен в нашей литературе»; в 1827 г. в Москве были изданы «Законы» Платона в переводе Оболенского [Августин (Никитин) 2000: 70–71].

шло его 2-е исправленное издание. В Предисловии (к первому изданию) Карпов пишет:

Имя Платона избавляет меня отъ труда говорить о цѣли и пользѣ предпринимаемаго перевода Платоновыхъ сочиненій. Стоя на заглавномъ листѣ книги, оно само — и гораздо убѣдительнѣе — говоритъ за свою книгу... Русской литературѣ было бы стыдно предъ вѣками и челоѳчествомъ не усвоить себѣ того, что справедливо почитается лучшимъ украшеніемъ каждой литературы [Карпов 1863а: V].

Относительно существующихъ переводовъ Платона на живые языки Карповъ указываетъ, что переводъ Пахомова на русскій языкъ, хотя и выделяется въ лучшую сторону среди переводовъ своего времени, темъ не менее, не лишенъ недостатковъ:

одинъ тотъ, что Пахомовъ неправильно понималъ тонъ Платонова діалога и выражался слишкомъ педантски, безъ нужды облекая мысль философа въ славянскія формы; другой тотъ, что онъ яснѣ видѣлъ и выдерживалъ значеніе словъ, нежели мысли [Карпов 1863а: XV].

В 1842 г. в Санкт-Петербурге былъ изданъ II томъ сочиненій Платона, а в 1863 г. помимо переизданныхъ I–II томовъ увидели светъ еще 2 тома переведенныхъ Карповымъ сочиненій Платона подъ заглавіемъ «Сочиненія Платона, переведенные с греческаго и объясненныя Профессоромъ Карповымъ». Каждый томъ своихъ переводовъ Карповъ снабдилъ предисловіями и комментаріями. Онъ пишетъ:

Если какая книга имѣетъ нужду въ подобномъ введеніи, то безъ сомнѣнія сочиненія Платона; потому что ни древній, ни новый міръ не представляютъ писателя, который бы имѣлъ большее право жаловаться на позднѣйшихъ ученыхъ, какъ Платонъ, котораго бы такъ немилосердо переиначивали и перетолковывали, какъ его [Карпов 1863а: 15].

Отдельное место в комментариях к Платону у Карпова занимает разбор работы «Политика», или «Государство». В написанном к ней введении он отмечает, что главная мысль указанного сочинения

съ давнихъ временъ была предметомъ споровъ, которые, какъ видно, не прекратились и донинѣ... одни утверждали, что Платонъ в тѣхъ книгахъ предположилъ себѣ задачу — указать и раскрыть свойства справедливости, и что философствованія его о гражданскомъ обществѣ введены лишь для сообщенія большаго свѣта этой добродѣтели; другіе, напротивъ, думали, что в нихъ изображается возможно лучшее устройство государства, а сужденія о справедливости в этомъ изображеніи имѣютъ только второстепенное значеніе [Карпов 1863в: 3].

В пользу того, что работа Платона посвящена в первую очередь вопросу наилучшего государственного устройства, по Карпову, говорит само ее название. На то, что название «Государство» подлинное и было дано сочинению самим Платоном, указывает, как отмечает Карпов, тот факт, что именно этим названием пользовались все последующие древние мыслители, обращавшиеся к данному сочинению, от Аристотеля до позднейших Отцов Церкви. Да и сам Платон, как указывает Карпов, в других своих диалогах, написанных после «Государства», использует именно это его название. Подлинность наименования, пишет Карпов, удостоверяет в том, что «по всей справедливости надобно полагать, что гражданскій вопросъ в этомъ сочиненіи, по мнѣнію самого писателя, долженъ былъ имѣть важное значеніе и обнимать собою не малую часть цѣлаго» [Карпов 1863в: 4]. В «Тимее», отмечает философ, Платон опять-таки указывает на то, что в «Государстве» представлен образец общества, наилучшим образом подходящий «тѣмъ людям, которые особенно совершенны и близки къ богамъ» [Карпов 1863в: 5].

С другой стороны, пишет Карпов, Сократ ясно обозначает сложность определения природы справедливости в одном человеке и «хочетъ создать общество, чтобы эта добродѣтель вырази-

лась в немъ яснѣе и осязательнѣе» [Карпов 1863в: 5]. Кроме того, Карпов полемизирует относительно «Государства» с предположением К. Моргенштерна о роли названий диалогов. Моргенштерн пишет, что «если и другіе діалоги Платона получили надписанія по именамъ собесѣдниковъ и иныхъ, часто даже неважныхъ предметовъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и эти книги озаглавлены соотвѣтственно... тому, что в сочинении стоит на второмъ планѣ» [Карпов 1863в: 7]. Отметив «остроумие» этихъ наблюдений, Карпов, однако, возражает: «мнѣ кажется, что Моргенштернъ въ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаніяхъ неполнѣе удовлетворителенъ... на то, для чего Платонъ въ своей Политикѣ рассуждаетъ о государствѣ такъ обширно и входитъ въ такія подробности, у Моргенштерна не намекнуто ни однимъ словомъ», — указывает Карпов [Карпов 1863в: 7–8].

Во введении к работе Платона Карпов рассматривает не только точку зрения Моргенштерна на вопрос о центральной мысли «Государства», но и ряд других, давая каждой из них собственный комментарий, отмечая достоинства и недостатки каждой из них с позиции самого Карпова. Так, например, он пишет, что Шлейермахер «представляетъ себѣ, что Политика Платона съ одной стороны есть сводъ всѣхъ мыслей о различныхъ способахъ умственной и нравственной дѣятельности человека, въ такомъ значеніи, въ какомъ тѣ мысли раскрыты были въ прежде написанныхъ имъ діалогахъ, съ другой — она заключаетъ въ сѣбе инициативу новаго порядка идей, вводящихъ человѣческую дѣятельность въ формы гражданской жизни... но всякій замѣтитъ, что въ его мнѣніи Политика Платона теряетъ единство предмета и, какъ одно цѣлое, держится только единствомъ Сократовой личности» [Карпов 1863в: 8–9].

С точки зрения самого Карпова, в работе «Государство» Платон с одинаковой подробностью рассматривает вопрос как о свойствах наилучшего человека, так и о свойствах наилучшего общества. Безусловно, содержание диалога должно сводиться к единству одной центральной мысли:

но чтобы открыть ее в душѣ Платона, мы должны гадать о ней по однимъ главнымъ задачамъ его сочиненія... слѣдуетъ показать, какимъ образомъ онъ рѣшилъ каждую изъ них... какъ изъ этого рѣшенія составила у него картина человѣческой жизни в полномъ и всестороннемъ ея развитіи... Мнѣ кажутся, ни первая часть изслѣдованій, которая занимается описаніемъ нравовъ наилучшаго человѣка, ни послѣдняя, в которой начертывается картина наилучшаго государства, — ни то ни другое, разсматриваемое в отдѣльности, само по себѣ, не обнимаетъ главной задачи философа... Но если оба упомянутые вопросы будутъ сведены в одинъ, то легко откроется единство формы этого превосходнаго сочиненія и совершенная цѣлость его содержанія [Карпов 1863в: 11–21].

Карпов считает, что в «Государстве» Платон попытался изобразить совершенную человеческую добродетель, которая должна быть созерцаема как в душах отдельных людей, так и в гражданском обществе.

Нравственные отношения человека, по Карпову, устанавливаются и осуществляются гражданской организацией прав и обязанностей. Комментатор Платона отмечает, что и само общество, согласно «Государству», должно быть устроено таким образом, чтобы способствовать воспитанию и развитию добродетели в каждом человеке. Государство, устроенное соответственно идее совершенной добродетели, одновременно заключает в себе добродетель и счастье живущих в нем лиц и само является образцом совершенной добродетели.

Перевод и издание сочинений Платона Карповым заслуживает, по выражению Белинского, «честь совершенно великого, истинно европейского подвига» [Белинский 1954: 613] еще и потому, что он издавал Платона за свой счет. В Предисловии (ко второму изданию) I тома Сочинений Платона, изданному в 1863 г., Карпов замечает:

Не смотря однакожь ни на что внѣшнее, тогдашняя критика была ко мнѣ очень снисходительна и, оцѣнивая внутреннія достоинства изданной мною книги, встрѣтила ее привѣтливо и почти

ла меня самыми лестными отзывами. Эти отзывы были единственною наградою за мой трудъ и принесли мнѣ по крайней мѣрѣ нравственную пользу въ томъ отношеніи, что съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени я не разставался съ Платономъ [Карпов 1863а: XXIII].

Лишь в 1867 г., незадолго до смерти Карпова, 4 тома сочинений Платона, переведенные и изданные им, были преподнесены императору Александру II. Русский философ был удостоен Высочайшего подарка в 858 руб.

V и VI тома переводов сочинений Платона были изданы в Синодальной типографии в Москве «По определению Святейшего Синода» уже после смерти Карпова в 1879 г. По оценке архим. Августина (Никитина), «благодаря усилиям В.Н. Карпова, Платон — этот “христианин до Христа” — обрел “воцерковление”» [Августин (Никитин) 2000: 72]. Архим. Августин (Никитин) указывает, что Карпов в комментариях к платоновским сочинениям неустанно указывает на существующие параллели во взглядах на Бога, душу, нравственную деятельность в учении Платона и христианстве. Некоторые основания для такой позиции, в рамках которой Платон рассматривается как некий «христианин до Христа», можно обнаружить и в приводимой Карповым биографии Платона. Так, он пишет:

По словамъ Климента Александрійскаго, Платонъ у Вавилонянь изучалъ астрономію, у Ассириянь — ихъ мудрость, у Евреевъ — ихъ законы и религію [Карпов 1863а: 5].

Не ставя в рамках данной статьи вопрос о влиянии платонизма и христианства друг на друга, необходимо между тем отметить, что позиция, в рамках которой Платон рассматривается как «христианин до Христа», как представляется, требует к себе крайне критического отношения. Платонизм, на наш взгляд, представляет собой систему, противоречащую во многих своих положениях христианству и не могущую быть сведенной к некоему христианству до Христа, и, видимо, эти положения носят основополагающий характер. А.Ф. Лосев отмечает по этому поводу:

мировые религии, возникшие после Платона, старались перетянуть его на свою сторону, обосновывая при его помощи свое вероучение и нередко достигая в этом успеха. Но этот обоснователь вероучений часто оказывался также и их коварным врагом... Наступали моменты в истории, когда платонизм вдруг восставал грозной силой против монотеистического вероучения и под его ударами начинали шататься и падать те самые богословские системы, самым верным союзником которых ранее казался Платон [Лосев 1990: 3].

При этом сам Карпов подчеркивает, что философия Платона во все времена была по-разному интерпретируема, поскольку

существенное, внутреннее свойство Платоновыхъ разговоровъ состоитъ въ томъ, что въ нихъ почти никогда не выводятся и ясно не высказываются послѣдніе результаты изслѣдованія, что они в философскомъ отношеніи не имѣютъ ни опредѣленнаго начала, ни опредѣленнаго конца... Такимъ образомъ истина освобождается отъ всѣхъ чуждыхъ ей покрововъ... становится какъ бы существомъ безплотнымъ, и — мгновенно, какъ существо безплотное, исчезаетъ. Сократъ разоблачилъ ее, приблизилъ къ ней умы собесѣдниковъ, далъ имъ почувствовать ея красоту, величіе и совершенство, но не показалъ ея лицомъ къ лицу, не назвалъ по имени, не выразилъ словомъ, и она осталась только предметомъ внутренняго, глубокаго ощущенія, тайною бесѣдовавшихъ душъ [Карпов 1863а: 22–23].

Прот. Георгий (Флоровский) отмечает, что для самого Карпова Платон был, скорее, введением в святоотеческое умозрение, а сам интерес к нему родился, видимо, из духа времени [Георгий (Флоровский) 2006: 239]. Другой исследователь истории философии архим. Гавриил (Воскресенский) указывает, что интерес Карпова к Платону был вызван, вероятно, тем, что потерпев неудачу в попытках выстроить собственную философскую систему, опирающуюся на философию Канта, он был вынужден обратиться к Платону [Августин (Никитин) 2000: 70]. В.В. Зеньковский пишет про Карпова, что «при изучении его интересного “Введения в философию” (1840), его Логики (1856), чтений по психологии (1868)

становится ясным, что у Карпова была довольно целостная система... Карпов испытал влияние трансцендентализма, но значительно переделал его в сторону чистого психологизма. Во всяком случае, исходным пунктом философских построений Карпов считал сознание, взятое “конкретно”, в полноте его содержания» [Зеньковский 2001: 300].

Тем не менее, согласно Зеньковскому, Карпов выделяет в человеке не только возможность восприятия внешней реальности, но также и «сверхчувственной», метафизической среды, а кроме того и «духовной сферы». Соответственно, Карпов выделяет чувственную реальность, с которой человека связывают внешние ощущения; метафизическую, или «мыслимую», реальность, с которой человека связывают «идеи»; и Абсолютное бытие — с ним человека связывает духовное созерцание. Необходимо отметить, что подобную иерархию связей выстраивают многие современники Карпова, среди которых, например, архим. Феофан (Авсенеv), указывавший на три источника получения знания о душе: наблюдение, умозрение, Откровение; Д.И. Менделеев, выделявший три исходных начала: вещество, силу, дух; В.С. Соловьев, отмечавший необходимость получения цельного знания, представляющего собой синтез эмпирического, рационального и мистического знания. Вообще, разбор связи философских систем В.Н. Карпова и В.С. Соловьева, который был знаком с учением Карпова и довольно высоко оценивал его работу «Систематическое изложение логики», как представляется, требует еще более детального рассмотрения и может оказаться весьма продуктивным.

Кроме того, особый интерес представляет рассмотрение взаимосвязи философии Карпова и славянофилов. В 1898 г. к 100-летию со дня рождения В.Н. Карпова был подготовлен ряд статей, посвященных философу, среди которых стоит отметить работу П.М. Ласкеева «Два проекта православно-христианской философии» (опубл. «Христианское чтение», май, 1898 г.), в которой рассматривается философия Карпова в сравнении с философи-

ей славянофилов, в частности, И.В. Киреевского. На взаимосвязь взглядов Карпова и философских систем Хомякова и Киреевского указывают также Э.Л. Радлов в «Очерке истории русской философии», В.В. Зеньковский в работе «История русской философии» и ряд других авторов.

О Платоне Карпов пишет:

При томъ, у Ионянь философія явилась в простомъ догматическомъ рассказѣ о природѣ и уподоблялась эпопеѣ; потомъ у Пифагорейцевъ, от видимой природы переходя к самосознанию, она приблизилась къ поэзіи лирической; наконецъ въ Платоновой Академіи, соединивъ міръ субъективный и объективный въ одно цѣлое, она естественно должна была принять характеръ драмы» [Карпов 1863а: 35–36].

Вероятно, говоря о соединении в философии платоников субъективного и объективного мира, Карпов указывает и на некоторые положения собственной философской системы. Так, Зеньковский пишет, что «в плане “философского синтетизма”, как выражался Карпов, самый мир (чувственный и “мыслимый”, то есть метафизический) должен предстать в единстве чувственной и идеальной своей стороны, как единое целое: должен быть найден “закон гармонического бытия вселенной”» [Зеньковский 2001: 301].

Еп. Никанор (Бровкович) в работе «Позитивная философия и сверхчувственное бытие», указывая на сходство идей Карпова и «медика, физиолога, эксперименталиста» К. Бернара [Никанор (Бровкович) 1876: 201], пишет:

гносеологическая теория Карпова имеет за собою то громадное достоинство, что она основана на двух или трех-тысячелетнем развитии общечеловеческого философствующего ума. Сколько мы понимаем эту теорию, исходная точка ее заключается в аналогии между чувствами, внешним и высшим внутренним, между чувственным восприятием и идеальным созерцанием, между воззрением чувственным... и умозрением... между чувством... и умом... между органами чувств низшего и идеею... — чувственным органом ума. В Логике Карпова эта аналогия принимается

за принципиальный вывод психологического опыта [Никанор (Бровкович) 1876: 207].

Безусловно, заслуга В.Н. Карпова не только в переводе на русский язык сочинений Платона, выполненном, по выражению В.В. Зеньковского, «с большой любовью и тщательностью» [Зеньковский 2001: 299]², но и в огромном труде как философа и литератора, который, к сожалению, так и остается до конца не оцененным. Карпов написал целый ряд работ по философии: «Введение в философию», «Систематическое изложение логики», «Взгляд на движение философии в мире христианском», «Философский рационализм новейшего времени» и др., занимался литературной деятельностью под псевдонимом Хреновской (философ родился в селе Хреновое Бобровского уезда Воронежской губернии), — эта литературная деятельность, очевидно, была выражением философских воззрений мыслителя. Самобытное творчество В.Н. Карпова, безусловно, оказало огромное влияние на формирование оригинальной русской философии и на выстраивание оригинального русского философского контекста.

Литература

- Августин (Никитин) 2000 — *Августин (Никитин)*, архим. В.Н. Карпов — переводчик Платона // Воронежская беседа / Ред. прот. Евгений (Лившук) и др. Воронеж: Издательство Воронежско-Липецкой епархии, 2000. С. 64–74.
- Алексеев 2002 — *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий. М., 2002.
- Белинский 1954 — *Белинский В.Г.* Полн. Собр. соч. в 13 т. Т. 5. М., 1954.
- Варава 2013 — *Варава В.В.* Неведомый Бог философии. М., 2013.

² Об этой искренней любви Карпова к Платону свидетельствует, например, следующий его комментарий: «Нельзя не удивляться искусству Платона въ выборѣ лицъ для своихъ разговоровъ. В нихъ рѣшительно нѣтъ произвольнаго; все необходимо и истинно» [Карпов 1863а: 142, прим. 1].

- Варава 2005 — *Варава В.В.* Этика неприятия смерти. Воронеж, 2005.
- Георгий (Флоровский) 2006 — *Георгий (Флоровский), прот.* Пути русского богословия. Минск, 2006.
- Зеньковский 2001 — *Зеньковский В.В.* История русской философии. М., 2001.
- Коробов-Латынцев 2014 — *Коробов-Латынцев А.Ю.* Рефлексия Античности в русской религиозной философии // Русская философия истории: материалы Международной научной Школы для молодых ученых / Ред. С.М. Климова и др. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2014. С. 93–100.
- Лосев 1990 — *Лосев А.Ф.* Жизненный и творческий путь Платона // Платон. Собр. соч. в 4 т. / Ред. А.Ф. Лосев. Т. I. М., 1990. С. 3–63.
- Лосский 2014 — *Лосский Н.О.* История русской философии. URL: <http://www.vehi.net/nlossky/istoriya/index.html>
- Никанор (Бровкович) 1876 — *Никанор (Бровкович), еп.* Позитивная философия и сверхчувственное бытие. Т. II. СПб., 1876.
- Карпов 1863а — *Карпов В.Н.* Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карповым. Часть I. СПб., 1863.
- Карпов 1863б — *Карпов В.Н.* Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карповым. Часть II. СПб., 1863.
- Карпов 1863в — *Карпов В.Н.* Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные Профессором Карповым. Часть III. Политика или Государство. СПб., 1863.
- Николаев 1992 — Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь: Т. 2 / Ред. П.А. Николаев и др. М., 1992. С. 495–496.
- Прасолов 2007 — *Прасолов М.А.* Субъект и сущее в русском метафизическом персонализме. СПб., 2007.
- Прасолов 2012а — *Прасолов М.А.* Философия В.Н. Карпова и русский метафизический персонализм // Первые церковно-исторические Митрофановские чтения в ВГУ / Ред. Д.А. Ендовицкий и др. Воронеж: Изд-во «Полиарт», 2012. С. 74–87.
- Прасолов 2012б — *Прасолов М.А.* Между догматом и анекдотом: философия В.Н. Карпова и русский метафизический персонализм // Труды преподавателей и выпускников Воронежской православной духовной семинарии / Ред. игум. Иннокентий (Никифоров) и др. Вып. 6. Воронеж: Издательский отдел Воронежской Православной Духовной Семинарии, 2012. С. 9–22.
- Шпет 1989 — *Шпет Г.Г.* Сочинения. М., 1989.
- Эрн 1991 — *Эрн В.Ф.* Сочинения. М., 1991.